

УДК 343.9 (575.2)

Гладкий Вячеслав Вячеславович
Высшая менеджерская школа в Легнице
(Легница, Польша)

БЕДНОСТЬ, НИЩЕТА И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Целью статьи является исследование природы и сущности бедности и нищеты, а также влияния этих негативных социально-экономических факторов на криминализацию общества в современной Украине. Поддавая критическому анализу связь бедности, нищеты и преступности, автор формулирует важные теории и закономерности их зависимости и взаимообуславливаемости. Особое внимание уделяется авторской теории «бунта против общества», которая объясняет трансформацию нищего человека в преступника, изначально совершающего преступления в качестве «акта против», а, в дальнейшем – как «акта для». Формулируются актуальные рекомендации для действующей законодательной и исполнительной ветви власти в Украине по противодействию криминализации общества, путём совершенствования политики недопущения дальнейшего расширения и углубления в государстве «социального дна».

Ключевые слова: бедность, бунт против общества, криминализация личности, криминализация общества, нищета, преступное удовольствие, преступность, прозерпинаво потрясение, социальная катастрофа.

Viacheslav V. Hladky, master of Law
Legnica University of Management
(Legnica, Poland)

POVERTY, IMPOVERISHMENT, AND CRIMINALIZATION OF SOCIETY

The purpose of this paper is a research study into the nature and essence of poverty and impoverishment, as well as the impact effect of these negative social and economic factors upon criminalization of the society in the context of today's Ukraine. For achievement of this objective, special law books (first of all, criminological literature) and fundamental philosophical literature (Aristotle, Engels, Gassendi, Hegel, Pososhkov, Schopenhauer) are being analyzed, and respective latest statistical data are taken into consideration. Providing a critical insight into interrelationships of poverty, impoverishment, and criminalization of society, the author formulates important theoretical positions and views covering consistency of their dependence and mutual influence. Special attention is given to the author's theory referred to as "rebellion against society", which explains transformation of a poor man into a criminal who commits from the outset criminal acts in the capacity of "an act against" (mainly, against social injustice), and, further down the road, as "an act for" (criminal infringements are aimed at satisfying personal needs and deriving pleasures, then criminal activities are gradually recognized by a crime committer in the capacity of taking pleasure).

The paper covers time-sensitive recommendations of vital importance for legislative branch and executive branch authorities in power by means of development and betterment of policy for avoidance of further expansion and deepening of the "social underworld" on the national scale, as well as it calls attention to the fact that ignoring by a state of problems associated with its population impoverishment will irrevocably lead to new social conflicts in various strata of Ukrainian nation that may endanger the territorial integrity of modern Ukraine.

Keywords: *criminality, criminalization of personality, criminalization of society, impoverishment, guilty pleasure, penury, poverty, Proserpina shock, rebellion against society, social catastrophe.*

Бедность, как справедливо отмечает украинский учёный д-р В.П. Антонюк, является социально-экономическим явлением, которое присутствует в любом обществе, а также одним из состояний уровня жизни населения (это состояние характеризует материальное благосостояние человека, которое определяется уровнем сложившихся потребностей человека и степенью их удовлетворения путём потребления определённых товаров и услуг при данном уровне доходов, цен и состоянии потребительского рынка). Несмотря на то, что бедность присутствует во всех государствах мира, масштабы и факторы бедности в разных странах существенно отличаются. По этому поводу д-р В.П. Антонюк отмечает, что Украина относится к государствам со средним уровнем развития экономики и благосостояния населения, «и проблема крайней бедности для неё не характерна» [1, с. 6, 7]. Вместе с тем, следует признать, что в Украине бедность носит критически продолжительный характер и на данный момент в общих чертах бедность определяется многообразием репрезентантов группы бедных, стремящихся решить свои насущные проблемы путём совершения преступлений.

Бедность, как причина преступности, крайне сложна, неоднозначна и противоречива, что вызывает существенный интерес в исследовании этого социально-экономического явления. Особый интерес влияние бедности на рост преступности также обуславливает тот факт, что «в настоящее время на человечество надвигается продовольственный кризис. Его негативное влияние уже ощущают не только традиционно бедные страны, имеющие скудные сельскохозяйственные угодья, но и те, которых природа одарила плодородными землями» [2, с. 14]. Не представляется исключением и Украина, в которой, с одной стороны, проблема бедности в течение последнего десятилетия решалась слишком медленно, а в 2014-2015 гг. она существенно обострилась, что обусловлено хроническим не решением старых причин бедности и появлением новых факторов, обуславливающих бедность [1, с. 9], главным образом: «Крымским кризисом», антитеррористической операцией на территориях Донецкой и Луганской областей, не всегда прагматически продуманными и реализуемыми реформами и т.д.

При этом важно подчеркнуть, что не все репрезентанты «группы бедных» в Украине, как и в прочих странах, являются представителями класса людей, который исследователи называют андерклассом или же «социальным

дном» [см. напр.: 3] (т.е. являются лицами, которые с минимальной вероятностью вернутся к нормальной жизни и адаптируются к условиям рыночной экономики; среди прочего, к таким следует относить: «бомжей», т.е. лиц без определённого места жительства и занятий, бродяг; бывших преступников, не желающих работать; алко- и наркозависимых лиц; нищих; проституток; беспризорных детей [4, с. 174]), однако, практически каждый из них находится в логичном переходном периоде к этому «дну», возвращаясь в состояние одичавшего к правилам общества первобытного (асоциального) человека.

По общему правилу в категорию «бедных людей» в Украине следует относить всех тех, кто «не по собственной воле, а из-за недостатка средств лишён возможности обеспечить потребление на уровне, характерном для украинского общества в настоящее время» [5, с. 27]. В отличие от бедных, крайне бедные люди являются специфическими представителями «социального дна». Интерес исследования нищих через криминологическую призму вызывает: с одной стороны, высокая степень приемлемости нищих к преступлениям и преступной деятельности. частности, выдающийся дореволюционный украинский юрист д-р М.П. Чубинский, рассматривая взгляды древнеримских философов и юристов на причинность преступлений, указывал, что Плавт, Луцилий, Овидий и Лукреций были уверены в том, что основными причинами преступлений являются корыстолюбие, честолобие, а также ужасающая бедность [6, с. 125]. С другой стороны, данный интерес определяется высокой динамикой обнищания бедных людей в Украине в силу указанных выше множественных объективных и субъективных факторов, осуществляющими расширение границ «социального дна» в масштабах целого государства как в ширину (все больше представителей группы «бедных людей» становятся нищими – количественный признак), так и в глубину (дальнейшее обеднение населения – качественный признак). Между тем, считаем целесообразным рассмотреть указанную проблему не только в отношении нищих, но и бедных групп людей, принимая во внимание тот факт, что бедность в меньшей мере, нежели нищета, однако также тесно связана с ростом преступности.

Вместе с тем, необходимо обозначить, что определение нищеты в качестве причины преступности является крайне условной по ряду причин, основными из которых являются следующие: во-первых, не каждый нищий становится преступником (об этом нами будет изложено ниже); во-вторых, бедность как причина преступности – собирательная категория, что объясним тем, что не сама бедность, а причины бедности оказывают обозначенный эффект в обществе (т.е. рост преступности). При этом, к основным причинам бедности в науке, как правило, относят: снижение объёмов экономической деятельности; рост цен; стагнация динамики оплаты труда в условиях сдерживания социальных стандартов; повышение уровня безработицы и рост неполной занятости; рост задолженности по оплате труда, что в совокупности приводит к снижению реальных доходов населения [1, с. 8]. Также не следует забывать и о том, что нищета является следствием не только социально-экономических факторов, а и историко-культурных особенностей общества. В данном аспекте следует обратить внимание на то, что во времена Российской империи, господствующей и формирующей мировоззрение общества была

христианская этика, которая, как справедливо отмечает Н.В. Астахова, «придавала нищенству значение института благонравия, одного из главных средств нравственного воспитания людей, в отличие, например, от протестантизма, который предписывал каждому человеку самостоятельно зарабатывать на хлеб, таким образом исполняя свой долг перед Богом» [7, с. 96]. Однако, несмотря на длительный опыт атеизма в советском украинском обществе (если предположить, что проблема связана с религией), мультирелигиозный опыт периода возобновлённой независимости (если предположить, что проблема связана с конкретной религией), следует отметить, что отношении украинского общества к бедности и осуждение значительными массами населения богатства, экономической активности и т.д. не претерпело значительных изменений. Таким образом, отношение украинского общества к богатству и к бедности (высокая терпимость к бедности и нищете) является её важной негативной особенностью, которая нуждается в качественной её трансформации за счёт просветительской деятельности.

Анализируя современную бедность и нищету, уголовную потенцию этих слоёв населения, обратим внимание на то, что в специальных исследованиях по данному вопросу отмечается, что для бедных в целом характерно социально-психологическое отчуждение, которое «порождает дезадаптацию индивида как личностную позицию и как его социальный статус». При этом, и то, и другое в отсутствие соответствующего воспитательного воздействия может иметь существенные криминогенные последствия в силу того, что «малообеспеченность и бедность – это, прежде всего, внутреннее состояние индивида, влияющее на его психику и нравственные ориентиры». А.В. Гурницкий отмечает, что годы, проведённые человеком в нужде, приучают его думать только о решении первичных вопросов (пища, одежда, кров), не вдаваясь в перспективы [4, с. 175]. В данном контексте, снова-таки обратим внимание на то, что «экономически неразвитые государства не могут продуцировать высокую цивилизацию, а чувство достоинства экономически угнетённого населения этих стран не предполагает уровня, соответствующего гражданам цивилизованных стран. Более того, с возрастанием показателей уровня жизни в цивилизованных государствах, можно констатировать тенденцию к самопринижению человеческого достоинства у граждан неразвитых и декларативно развитых стран. При всём том, обратим внимание на то, что самопринижённый человек не способен к эффективной экономической активности, обрекая себя на недостойное для человека существование. Т.е. первичным тут будет не влияние экономики на человека, а человека на экономику» [8, с. 51].

Принимая во внимание изложенное, можно заключить, что нужда формирует личность человека, а количество и величина одинаково нуждающихся личностей (людей с идентичными нуждами) формирует, с одной стороны, спрос, а, с другой – само общество, его взгляды, его стратегическое будущее, определяющее судьбу народов и наций. Потому, важно лишь: то, в чём человек испытывает нужду; какова концентрация в обществе лиц, испытывающих крайнюю нужду в базовых потребностях; показатель интенсивности роста количества нуждающихся в базовых потребностях, а также показатель того, насколько они организованы; кто или что имеет

наибольшее или же достаточное влияние на сознание этих нуждающихся лиц (особенно, если эти лица организованы или же организуются). Таким образом, понимая важность влияния нужды человека на процесс становления или же трансформации его личности, можно понять, почему чаще всего именно бедный человек может бросить камень в здание суда и, почему не каждый бедный человек испытывает нужду в таком неблагородном деянии, как бросание камней по зданию суда.

Необходимо учесть, что не каждая нужда человека делает его достаточно восприимчивым к совершению противоправных действий, в особенности, уголовно наказуемых деяний. Безусловно, справедливым будет заключить, что наиболее близок к совершению преступления тот, кто испытывают нужду в базовых человеческих нуждах, т.е. тогда, когда нуждающийся начинает бороться за собственное выживание, становится движимым базовыми инстинктами, а, следовательно – опасным для общества. Уместны здесь будут замечания Ф. Энгельса по данному поводу: «Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, то есть, попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство голодной смерти или самоубийству. Есть, конечно, и среди рабочих множество людей, достаточно нравственных, чтобы не украсть, даже когда они доведены до крайности; вот эти и умирают с голоду или убивают себя. Самоубийство, бывшее до недавнего времени завидной привилегией высших классов, вошло в Англии в моду и среди пролетариев, и множество бедных людей убивает себя, чтобы избавиться от нищеты, из которой они не видят иного выхода» [9, с. 348–349] (просим обратить внимание: ссылка на идеолога марксизма в данном контексте не является попыткой автора данного исследования, не являющегося сторонником коммунистической идеологии и иной другой политической, а также националистической идеологии, пропагандировать коммунистические идеи, и тем нарушить действующее украинское законодательство о декоммунизации). Одновременно с этим, согласимся с д-ром проф. Ю.М. Антоняном в том, что «нужда и нищета безусловно толкают на преступления, но мы знаем также, что "несчастные эксплуатируемые массы" в западных капиталистических странах жили намного лучше и богаче "счастливых неэксплуатируемых масс" в СССР и других так называемых социалистических странах» [10, с. 7]. Также подчеркнём: человек становится преступником и тогда, когда его уровень бедности не характеризуется абсолютным отсутствием средств для существования – человек отказывается от бремени жизни в обществе по правилам общества без особой на то нужды; не любое общество характеризуется высоким уровнем преступности, если в нём сконцентрировано заметное количество бедных людей, но в любом (даже благополучном) обществе есть преступность.

В данном контексте необходимо отметить, что выдающийся норвежский криминолог, один из основателей аболиционизма в криминологии д-р проф. Нильс Кристи в своём исследовании «Три формы бедности» выделил следующие виды бедности: а) отсутствие материального (денежного) капитала у большинства населения, особенно среди эмигрантской прослойки; б) отсутствие социального капитала сплочённости общества, его интеграции;

в) отсутствие инновационного и интеллектуального (академического) капитала. По мнению уважаемого учёного, эти главные разновидности бедности среди населения выступают питательной основой для распространения девиантного поведения и преступности как таковой. «Именно на бедных во всех трёх разновидностях обращён процесс тотальной криминализации человеческого поведения, что и выражено в феномене "роста преступности"» [11, с. 111–112]. Иными словами, г-н проф. Кристи говорит об отсутствии средств для существования, сплочённости и интеллекта. При этом, полагаем, что только материальный элемент (продолжительное отсутствие средств для существования) является самодостаточным элементом бедности как фундамента для роста преступности. Но имеет реальное значение этот элемент лишь в условиях контраста благосостояния членов общества, которые могут сравнивать себя друг с другом. Между тем, важно обратить внимание на такое качество как «сравнимость» благосостояний. Так, например, членов неаристократического общества Бельгии редко возмущает благосостояние аристократического общества, главным образом королевской семьи, но возмущают факты высокого благосостояния некоторых бельгийских чиновников; полагаем, что данный факт связан с устоявшимся в человеческом сознании понимании монархов в качестве «помазанных Небес», «ставленников Небес», «богов» и т.д., т.е. тех, с кем не может себя сопоставить обычный человек.

В специальной юридической литературе отмечается: «Чем дальше отстоят друг от друга полюса бедности и богатства, тем выше социальная напряжённость и стихийное стремление бедствующих и обнищавших к наиболее простым противоправным способам захватить хоть какие-то материальные блага» [10, с. 8]. Так как мы различаем вещи в их сравнении, люди осознают своё материальное положение, сравнивая его с материальным положением иных людей, с материальным положением некоего эфемерного образца «благополучного человека». Такие соображения позволяют нам утверждать, что не сама бедность, а контраст благосостояний становится фундаментом, на котором выстраивается преступная психология нищего человека.

Прежде отметим, что приниженный своим недостойным существованием человек, отдавая преобладающую часть своего времени на борьбу за пищу, получаемую в конечном итоге в недостаточном количестве или в недостаточном количестве, но недостаточного качества, не позволяет себе рассуждений о моральности, не тратит своё время на осознание нравственности своих поступков (разумеется, такое положение дел может быть полезным для правящих элит, не желающих участия низших и даже среднего класса в политической жизни общества, однако, куда более благопристойным было бы использование для этих целей труда и занятости – рабочий и занятый своим делом человек также не всегда имеет достаточной возможности рассуждать не о предмете работы и занятости; фактически о таковой пользе труда также говорил и Г. Гегель, правда, в неправомерной на сегодняшний день форме [см. 12, с. 270]). Бедный или же нищий человек беспокоится о насущном – о низменных потребностях, и не углубляется в построение стратегии своего достойного будущего (потому, в специальных криминологических исследованиях справедливо обращается внимание на то,

что для бедных мотивом совершения правонарушений служит чаще всего удовлетворение сиюминутных потребностей [4, с. 175]). К тому же, нищий человек не может себе позволить достаточное образование, а его уровень интеллектуального развития (если бедность объективна, а не субъективна) оценивается как достаточно или же крайне примитивный. Об этом, в частности, писал К.А. Гельвеций, указывая на то, что бедняк, например, «не имеет возможности ни размышлять, ни исследовать, и истины и предубеждения он получает готовыми; будучи занятым повседневным трудом, он не может подняться на определённую сферу идей, поэтому предпочитает "Голубую библиотеку" трудам Сен-Реаля, Ларошфуко и кардинала де'Реца» [13, р. 65]. Действительно, бедный человек посвящает своё время поиску пропитания, а оставшееся время отдаёт тому, что занимает его время (не утруждая его интеллект), но не тому, что придаёт смысла, не тому, что расширяет и углубляет познания. Хотя, следует признать, что само по себе это существование человека (в поиске пищи и в поглощении предрассудков, а также неприхотливой литературы) наделяет смыслом, что обусловлено самим этим существованием. Впрочем, не утруждая себя академическими исследованиями, бедный человек, в силу своей природы, также нуждается в удовлетворении своего стремления к познанию, которое удовлетворяется за счёт «романтики» из «Голубой библиотеки», а сейчас – за счёт различной околонуточной литературы о «всемирном заговоре», «расовой теории» и проч., что якобы объясняет его стеснительное положение в обществе (а точнее – на обочине общества). Особостораживает то, что, помимо «объяснения», эта т.н. «жёлтая пресса» также объективизирует образ врага в глазах бедных слоёв населения (например, в коммунистической прессе это был образ капиталиста-империалиста, в нацисткой – еврейский народ и коммунисты). В современной Украине «Голубая библиотека» состоит как из «рыцарских романов», так и из типичной *hate literature*, дающей «ответ» бедным слоям населения на вопрос «Кто виноват?», а на деле – является инструментом демонизации тех или иных народов, классов, групп людей и т.д., что направляет импульс криминализируемого общества в соответствующие русла.

Ко всему прочему, нищий человек не способен позволить себе достаточную медицинскую помощь и, более того, из-за недостатка пищи у такого человека происходят многочисленные патологические процессы и функциональные нарушения, в том числе – психологические проблемы. В частности, украинский учёный д-р В.П. Антонюк отмечает, что в результате ухудшаются экономические условия воспроизводства человеческого потенциала: снижаются возможности полноценного питания населения, ухудшается его качество, что негативно сказывается на здоровье жителей Украины; становятся менее доступными необходимые товары длительного пользования, которые повышают комфортность жизни и облегчают домашний труд (стиральные машины, персональные компьютеры и т.п.); снижается уровень доступа к качественным услугам медицины, образования, культуры; существенно сужаются возможности для полноценного отдыха и восстановления здоровья, эффективного использования свободного времени [1, с. 12].

Важно также обратить внимание на то, что само «достойное будущее» исследуемой группы людей искажается заниженными показателями шкалы потребностей (таковые занижаются в ответ на сужение досягаемости доступности материальных благ и отсутствия силы воли или же объективных возможностей для расширения масштаба доступности тех или иных благ), а соответственно, и самоощущения себя как полноправного члена человеческого общества, человеческой семьи (занижение своей оценки как полноправного и достаточного человека обуславливает «противостояние обществу», т.е. происходят те же процессы, что и у подростков, вступающих в различные субкультуры), ввиду чего, бедные люди не ощущают удовлетворения от собственной жизни или от своего существования (потому, эти люди наиболее подвержены зависимостям от телевидения и социальных сетей, компьютерных игр, азартных игр, алкоголизма, наркомании и т.д., что, в свою очередь, ускоряют процесс асоциализации личности). Изнеженный бедный человек осознаёт, что в силу своего материального неблагополучия он оказывается у обочины общества (в то же время, сама современная цивилизация указывает им на это место, поскольку, в силу высокой для нищих людей цены участия в жизни общества, они не участвуют в этой жизни, и постепенно происходит равномерное отторжение, дистанцирование общества и нищего человека), отдалённым от благ цивилизации, на которую у него появляется обида, превращающаяся в дальнейшем – в ненависть.

Отсутствие возможности участия бедных людей в жизни общества из-за высокой цены участия в этой жизни также усиливается общественной бесполезностью бедных людей, которую ощущают, как сами бедные люди (часто пытаются, вопреки сложившимся обстоятельствам их существования, быть полезными обществу), так и само общество. При этом, что немаловажно, формируя прожиточный минимум гражданина, государство не учитывает минимальной цены участия человека в жизни общества, а, если таковое и учитывает, то принимаются в расчёт номинальная, а не реальная стоимость этого участия. Отметим, что на данное обстоятельство также обращал внимание и Аристотель в своём труде «Никомахова этика», рассуждая о «почётных затратах», к которым он относил: а) затраты, связанные с божеством (к примеру, затраты на почитание богов, посвятельные дары, постройки и жертвоприношения); б) затраты, охотно осуществляемые из честолюбия на общее благо (например, затраты на блистательное снаряжение хора или триеры, затраты на организацию пира для всего города). Философ утверждал, что важными в «почётных затратах» являются как «действующее лицо», так и то, чем это лицо располагает, «ведь затраты должны быть достойны того и другого, т.е. подобать не только делу, по и деятелю». По этой причине Аристотель справедливо полагал, что бедняк не сможет быть «великолепным»: у него ведь нет средств, чтобы потратить подобающе много; и кто из бедняков возьмётся за такие траты, окажется глупцом, поскольку эти действия он будет совершать вопреки и достоинству, и должному (при этом, только то, что правильно, можно считать сообразным добродетели). Подобают же такие траты, по мнению философа, только тем, у кого имеются достаточные средства, не зависимо от того, сами ли они нажили их или получили от предков или друзей, а также тем, кто благороден, знаменит и т.п., «потому что во всём этом присутствуют величие и

достоинство» [14, р. 112–114]. Именно изложенные выводы, в том числе, хорошо объясняют всю глубину непристойности и губительности динамичного участия бедных слоёв населения Украины в «почётных затратах» (затраты на интересы общества), к которым их подталкивали длительное время общественные объединения и некоторые представители органов власти, играя на их честолюбии и патриотических чувствах, лишая части средств на существования, без которых бедные люди становились ещё беднее, а, следовательно – раздражительнее, более отдалёнными от культурной части общества.

Будучи отдалённым от общества, становясь асоциальным, нищий и изнеженный человек, попадает в неорганизованную «группу риска», а, испытывая в силу своей социальной природы (таковая природа выработалась в процессе эволюции человека; изначально, как мы полагаем, человек не был социальным животным) нужду в обществе, создаёт или примыкает к уже существующим микрообществам (организованные «группы риска») – превосходной платформы для организованной преступности. При этом, характерным для этих обществ является особая (крайняя) форма *Sklavenmoral*, руководствуясь которой, представитель «группы риска» изменяет свою модель мышления, риторику (она становится раздражительной, радикальной, вытекая в *hate speech*), действует агрессивно, ищет доступную жертву для воплощения своей ненависти, совершая для самоудовлетворения по возможности *hate crimes*.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что бедность в современной Украине выражена не самым крайним своим проявлением (голодом и всеобщей нищетой). «Те, кто сейчас живут бедно, если они не стары, не больны, не обременены чересчур большой семьёй, вполне могут устроить свою жизнь, проявив инициативу и предприимчивость. Однако очень многие из них в силу алкоголизации и наркотизации, нежелания повышать профессиональный уровень, идти на риск перемены в своей жизни, наконец, из-за пассивности ничего не предпринимают. Они ждут, когда для них что-нибудь сделают другие, дадут им хорошо оплачиваемую, но не слишком утомительную работу» [10, с. 8]. В данном контексте целесообразно отметить справедливое замечание П. Гассенди (P. Gassendi) из его «Свода философии Эпикура» о том, что бедность не существенно пугает мудреца, поскольку довольно редко случается такое, чтобы кому-либо не хватало самого необходимого. В тех же случаях, когда у мудреца отсутствует необходимое и на приобретение этого у него нет средств, то в таковых случаях мудрец, не уподобляясь киникам (не прибегая к попрошайничеству), возьмёт несколько человек своими учениками, наставляя их в мудрости. Таким образом, мудрец, занимаясь делом, достойным мудреца, тем самым будет также получать необходимые для его жизни средства [15, р. 437]. Так, согласимся с П. Гассенди в том, что мудрый человек, как правило, находит мудрое решение любой проблемы, не через разрушение, а через созидание. Но для созидания чего-либо достойного, вне сомнения, надо быть созидателем, чему требуется как определённая модель мышления, так и мудрость. Причём, важно именно быть им (созидателем), а не называться таковым, поскольку, называющий себя созидателем (как правило, из честолюбия), и созидающий, не всегда способен понять того, что, созидая что-либо, он несёт разрушение. При этом, вполне очевидным будет

заклЮчить следующие промежуточные выводы: преступная деятельность, как выход из сложной жизненной ситуации (нищеты), является разрушительным и разрушающим решением неразумного человека; преступление является следствием той же причины, что и нищета человека (в том случае, если нищета не стала следствием событий или же деяний, независимых от воли того, кто стал благодаря таковому нищим, т.е., если нищета не является следствием инвалидности, старости, вынужденного перемещения из территории, на которой осуществляются военные действия и т.д.). Потому, следует заключить, что практически любой нищий человек, ставший таковым по субъективным причинам (т.е. из-за своего нежелания трудиться и/или пагубных зависимостей и т.д.), образом своего существования непроизвольно демонстрирует свою потенциальную опасность для общества. К таковым лицам будет справедливо утверждение, что становлению их преступной сущности предшествовала не нищета, а нищета стала следствием их первичной деформации.

Ещё раз повторимся: не каждый нищий оказывается преступником, но каждый из них оказывается близким к возможности совершения противоправного действия (а каждый, кто стал нищим по субъективным причинам – наиболее близок к совершению преступления), которое таковой человек может сознательно никогда и не совершить. В частности, Аристотель в «Политике» указывал на то, что «добродетельный человек переносит и бедность, и болезнь, и прочие невзгоды, посылаемые судьбой, прекрасно» [16, с. 613]. Однако, недобродетельный человек, без различия того, имущий он или неимущий – всегда подвержен преступному поведению. Достаточно хорошо иллюстрирует описанное концепция д-ра проф. Ю.М. Антоняна о расчеловеченных людях (*people lost their human face*) [данная концепция идейно сходна с нашей концепцией *homo nihil*] – лицах, утративших, а чаще – не приобретших необходимых индивидуальных качеств, соответствующих условиям современной жизни данных лиц. По мнению учёного, «такими качествами, несомненно, не обладают тоталитарные правители и их прислужники, террористы, убийцы детей, проститутки, садисты, сексуальные некрофилы, педофилы, виновные в вандализме и некоторые другие категории». Все они составляют «особую когорту расчеловеченных личностей, т.е. потерявших людской облик, какие-то его очень важные черты, по причине которых их поступки и в глубокой древности вызывали, по-видимому, осуждение, например, сексуальная некрофилия или растление малолетних». Так г-н Ю.М. Антонян справедливо указывает на необходимость признания существования среди нас расчеловеченных людей, отрицающих цивилизацию или не знающих таковой, уходящих от неё, но живущих как бы параллельно с ней, внутри её. При этом, уважаемый учёный делает оговорку, отмечая, что он вовсе не имеем в виду «современных дикарей, живущих в джунглях Африки, Южной Америки или на островах Океании», напротив, он имеет в виду «жителей вполне цивилизованных стран Европы и Америки с их гигантскими мегаполисами». Таковых расчеловеченных людей, учёный в целом разделяет на следующие подтипы: а) внешне вполне уважаемые люди, даже занимающие видное место в обществе или, во всяком случае, не выделяющиеся из него, но с тщательно скрывающимися пороками и влечениями (например, тоталитарные правители,

члены их охранных, штурмовых отрядов и спецслужб, охранники концлагерей, современные террористы, а особенно – заправляющие террором); б) люди социального дна – люмпенизированный слой общества, опустившиеся и давно потерявшие человеческий облик лица (прежде всего: многократно судимые рецидивисты, давние тюремные сидельцы, утратившие всякие связи со своими родными и близкими, находящие признание только среди себе подобных); в) промежуточный подтип (убийцы детей, каннибалы, лица, обманом или силой делающие людей рабами или продающие их, сексуальные некрофилы, педофилы, современные вандалы, сжигающие книги, уничтожающие священные тексты и изображения, символы и реликвии, церкви и мечети и т.д.). Общее для входящих в эти подтипы лиц будет: а) отсутствие наиболее важных личностных качеств, таких как: честь, преданность дружбе, достоинство, сострадание, жалость, верность слову, помощь слабым, их попечение и т.д., а также забота о себе, своём теле; б) отчуждение [17, с. 7–9]. При этом подчеркнём, что расчеловеченье – важнейшая функция бедности. В частности, д-р В.П. Антонюк отмечает, что бедность, переходя в застойную форму, «обуславливает социальную деградацию части общества, затухания экономической активности, трудовой мотивации, распространение декавалификации, люмпенизации и иждивенческих настроений. В условиях длительной бедности формируется такая общественная среда, в которой бедность и малообеспеченность воспринимается как нормальное состояние, поэтому блокируется мотивация к повышению трудовой и предпринимательской активности, профессионального уровня, поиска различных путей роста благосостояния. Формируется психология бедности, при которой человек не стремится к повышению уровня жизни, минимизирует усилия по улучшению собственного благосостояния, а ответственность за своё положение перекладывает на государство» [1, с. 12], что можно и наблюдать в современной Украине.

При этом, полагаем, что отчуждение лица как следствие отсутствия наиболее важных личностных качеств, может быть также причиной утраты (или не приобретения) лицом наиболее важных личностных качеств (т.е. отчуждённость может быть тут первичной, что имеет особую важность в связи с тем, что нищета обуславливает отчуждение). Оказавшись на задворках цивилизации и общества, не участвуя в жизни общества, будучи отверженным обществом из-за своего материального неблагополучия, лицо асоциализируется, дичает – начинает руководствоваться лишь своими низменными инстинктами и *Sklavenmoral*, будучи легко подверженным манипуляциям (в том числе, против общества и институтов общества). Эти лица, в переходном к *homo nihil* состоянии или же уже являясь таковыми, соответственно, часто мобилизуются за непристойно низкую плату (или же без платы; для таких людей даже важно просто принадлежать к какой-то группе, быть причастным к чему-то «значимому», «резонансному», совершать противоправные действия, прикрытые благами декларативными целями, под которыми будут облагораживаться совершаемые ими грабежи, разбой, мародёрство, убийства и т.д.; также не следует упускать из виду и возможность самоудовлетворения, в том числе и окоloseксуального, через «санкционированное» осуществление преступных деяний садистскими способами) в агрессивные, деструктивные группы, используемыми

«заказчиками» в качестве ресурса для дестабилизации ситуации в регионе или стране в качестве вооружённых боевиков, террористов, протестующих. Именно таковые люди ранее осуществляли, например, еврейские погромы, шли на сотрудничество с нацистскими оккупационными властями во времена Великой отечественной войны, прислуживали и всячески пытались выслужиться перед оккупантами.

Потому, следует сделать акцент на том, что государство (а именно законодательная и исполнительная ветви власти), не беспокоящиеся о материальном благополучии своих граждан (особенно, когда оно способно обеспечить удовлетворение минимальных нужд членов общества и это понимают сами члены общества), всегда продуцирует общество преступников или же общество бунтарей, революционеров – преступников, прикрывающихся высокими целями (как правило, «достижение справедливости», «борьба за права человека» и проч.; достаточно показательным примером тут будут т.н. «красные революционеры», осуществившие октябрьский переворот 1917 г., а далее – истребившие всю интеллигенцию и экономически активную часть населения в Украине, Беларуси, России и проч. странах бывшего СССР) своей преступной деятельностью. Например, Аристотель, рассуждая в своей «Политике» о причинах государственных переворотов в монархиях, признаёт, что такие представлены в том же перечне, что и причины переворотов в республиках. Древнегреческий философ обращает внимание на то, что «вследствие испытываемой обиды, страха, презрения многие из подданных ополчаются против монархии, особенно из-за обиды, происходящей от наглости, а иногда также из-за того, что их лишают принадлежащей им собственности. И цели государственных переворотов тождественны как там, так и здесь, в тираниях и в монархиях: монарху принадлежит и большое богатство, и большой почёт, а к тому и другому стремятся все» [16, с. 554]. «Наглость» же современных правителей, в частности, в Украине заключается именно в том, что в период Руины, они стремительно обогащаются, а многие из них не из благородных побуждений выставляют на показ, принадлежащие им т.н. «предметы роскоши», в частности, в СМИ, доступных для материально неблагополучных слоёв населения, провоцируя в них раздражительность и ненависть к власти, способных вылиться в новые массовые кровопролитные протесты в современной Украине.

До сегодняшнего дня находим актуальными замечания по поводу политики государства в отношении своих подданных дореволюционного публициста, экономиста и предпринимателя И.Т. Посошкова, изложенные ним в труде «Книга о скудости и богатстве» (после представления этой книги в 1724 г. автор был арестован, а после пяти месяцев заключения – скончался). Учёный обращал внимание на то, что отечественные правители «рускаго человека ни во что ставят, и накормить ево не хоцут, чтобы он доволен был без нужды. С тем стиснением принуждают их к краже и ко всякой неправде и о мастерстве к нерадению, но токмо учинят ему корму, чтобы он токмо душу свою пропитал, дадут ему на день по пяти копеек. И таковым кормом и себя одного не прокормить, а жена и дети чем ему кормить, толко что по миру ходить, за неволю научат воровать и в мастерстве своем неправду делать» [18, с. 62]. Как видим, политика государства в отношении членов

общества до сегодняшнего не претерпела значительных изменений, наоборот, имея тенденцию к дальнейшему скатыванию к наихудшим своим проявлениям заботы и защиты граждан, обуславливающих у граждан чувство несправедливости и отторжения.

По этим же соображениям, мы не считаем целесообразным критиковать современный капитализм и защищать, например, социализм или либертаризм (иные формы эксплуатации обществом нищих людей), ввиду того, что в росте нищеты и, соответственно преступности, виноват не рынок, а безграмотное, безразличное и/или агрессивное (негуманное) управление обществом (правлящей элитой) этим рынком и процессами, происходящими на нём. В то же время, например, выдающийся криминолог д-р проф. Н. Кристи в своём исследовании «Три формы бедности» указывал на то, что важной причиной бедности всё же «является "новый тоталитаризм" современного капитализма-империализма, когда все человеческие ценности вытеснены производством и потреблением» [11, с. 111], с чем мы ни в коем случае не можем согласиться. Данную оппозицию мы обосновываем тем, что, соглашаясь с мнением г-на Кристи, мы перекладываем вину за результаты такой человеческой деятельности с ответственных за эту деятельность субъектов на объекты и явления, что нельзя считать оправданным (к тому же, нельзя также упрощать вину в обозначенном положении и самих потребителей, учитывая тот факт, что речь идёт о *homo sapiens*, а не о иных, менее разумных представителях высших позвоночных; между тем, следует признать, что человек крайне подвержен манипуляциям, в том числе экономическим и политическим манипуляциям). Более того, полагаем, что в обнищании населения виноваты не кредитно-финансовые учреждения, пенсионные фонды и т.д., а именно те, кто осуществляют правовое регулирование деятельности этих организаций (законодатель), с одной стороны, а также контроль, надзор над правомочностью осуществления этими организациями деятельности (соответствующие компетентные органы исполнительной власти), с другой стороны (и первые, и вторые неспособны эффективно управлять рынком особенно тогда, когда они наиболее восприимчивы к коррупции, что и демонстрирует опыт, например, Украины, Болгарии, России и многих других постсоциалистических государства, а также государств Латинской Америки, Африки, Азии и Океании). В силу этого факта, экономическая нестабильность и рост нищеты в государстве обуславливает благоприятную среду для борьбы общества (групп недовольных, называющих себя революционерами) с обществом (тех, кто представляет общество).

За сравнительно короткий период в Украине произошло две масштабные акции протеста против власти: в 2003-2004 гг. – «Оранжевая революция» (против второго Президента Украины Л.Д. Кучмы и избранного во втором туре президентских выборов В.Ф. Януковича), в 2013-2014 гг. – «Евромайдан» (против политики четвёртого Президента Украины В.Ф. Януковича и правительства Н.Я. Азарова в отношении евроинтеграции Украины и изменения стратегических векторов развития государства в направлении евразийских претензий Российской Федерации). Примечательно, что два эти масштабных антиправительственных протеста произошли на базе экономических кризисных явлений и утраченных надежд (в 2003-2004 гг. общество разочаровалось тем, что следующие 5 лет государство будет

развиваться не в направлении европеизации, а в 2013 г. – общественность была возмущена отказом от курса дальнейшего сближения с ЕС, предполагающего необходимые реформы в Украине). Тем не менее, и в первом, и во втором случае, «победив» существующие политические группы власти, протестующие (а вместе с ними и всё украинское общество) либо не смогло изменить своё материальное положение (кроме того малого числа из них, что смогли стать «новой властью» в виде парламентариев, депутатов местных советов, чиновниками исполнительной власти), либо понизило его качество (прежде всего, из-за не профессиональности властных действий и чрезмерного популизма, высокого восприятия коррупции многих представителей «новой власти»). Закономерно, что обозлѐнные бывшие протестующие (как «против», так и «за» власть, которую удалось устранить), а вместе с ними и прочие члены общества, материально пострадавшие от действий государства, ощутили нужду в действенном *ressentiment*.

Руководствуясь мотивами *ressentiment*, активные и высокоактивные «мстители», находясь в поиске жертвы, будучи зависимыми от информации, получаемой из телевидения, социальных сетей и прочих средств массовой информации, стали жертвами очередной манипуляции общества (правлящего класса), направляющего агрессию и «народную ненависть» в сторону тех органов власти, которая оказалась неспособной трансформироваться под концепции «новой власти», главным образом, завися в своей деятельности не от политической целесообразности и революционной законности, а от Конституции и законов государства – в сторону судебной ветви власти и работников судов. Образ судьи-коррупционера, обладающего значительными богатствами (и неважно, каким именно путѐм эти материальные блага были им получены), длительное время отпечатывался в раздражѐнных сознаниях как отторженных обществом, так и материально нестабильных и подверженных влиянию СМИ групп людей. Постоянный акцент на «неприличных богатствах» судей, делающийся в публичных выступлениях отдельных чиновников и общественных активистов (в т.ч. и в неблагоприятных и недобропорядочных высказываниях многих членов Общественного совета добропорядочности) будоражил и будоражит бедных и нищих людей, вызывая в их сознании ненависть к судьям и отвращение к правосудию, правопорядку и обществу.

Таким образом, демонизированный образ судьи, в совокупности с тем фактом, что судьи оказались наиболее доступны для реализации *ressentiment* (судьи передвигаются по городу без охраны и не имеют таковой вовсе; как правило не имеют при себе оружия и средств защиты; здания судов доступны для захвата; к тому же, в документах Общественного совета добропорядочности, находящихся в открытом доступе, часто содержатся контактные данные судей, а именно их контактные телефоны и адрес проживания их и их семей), в конечном итоге сформировали суд в качестве идеальной жертвы *Sklavenaufstand*. Безусловно, участие в преступлениях против правосудия материально нуждающихся людей (именно наивных жертв манипуляции демонизаторов судей), направленных против судов и судей, не является преобладающим в полной криминологической картине исполнителей этих преступлений. Преобладающим же является участие в этой категории преступлений: а) нищих людей, самообременѐнных губительными зависимостями – в особенности нарко- и алкозависимых людей; б) нигилистов,

ищущих т.н. «лёгких денег», которые они получают за совершение этих преступлений. Вместе с тем, несмотря на то, что преступления, направленные против судов и судей, по большей части, осуществляются материально нестабильными нигилистами и/или нарко- и алкозависимыми людьми, участие в таковых преступлениях наивных жертв манипуляции демонизаторов судей, даже опосредованное (те из которых, являются «соглядатаями» преступлений, оправдывают преступные посягательства на судей, чувствуя свою сопричастность к этим злоумышленным деяниям через сопереживание, а следовательно – и воплощение *ressentiment*, к осуществлению которой они имманентно и бессознательно стремятся), сложно недооценить.

Нужно обратить внимание на то, что нужда в юридическом контексте не может оправдать поступки человека – грабёж, совершённый из-за крайней нужды, настолько же осуждаем, насколько и грабёж, совершённый ненуждающимся в базовых материальных благах субъектом. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, законодатель в Уголовном кодексе УССР от 23 августа 1922 г. предлагал судам при определении меры наказания различать, среди прочего: совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет (п. «в» ст. 25); совершено ли преступление из низменных, корыстных побуждений или без таковых (п. «г» ст. 25). Современный уголовный закон Украины прямо не говорит о совершении уголовного правонарушения по причине бедности, нищеты и голода, как об обстоятельствах, влияющих на меру наказания, однако, обратим внимание на то, что в перечне обстоятельств, смягчающие наказание (п. 5 ст. 66 УК Украины), законодатель называет «совершение преступления вследствие стечения тяжёлых личных, семейных или других обстоятельств», к которым можно отнести и крайнюю бедность. В нашем исследовании «Проблемы универсального понимания термина "юридическая ответственность": исторический контекст» мы уже обращали внимание на то, как национальные суды в Украине решают вопрос определения меры юридической ответственности лиц, совершивших противоправное деяние по причине крайней нищеты (в частности, анализируя постановление Попаснянского районного суда Луганской обл. от 5 апреля 2017 г. по делу № 423/369/17, рассмотренного судьёй, украинским учёным Н.В. Мазуром [19]) [20, с. 45–48].

Однако, подчеркнём, нужда всегда самооправдывает человека, особенно, если нужда низменна. Вместе с тем, не стоит игнорировать тот факт, что человек не живёт вне общества. Следовательно, в сознании человека, до того момента, пока он не сформировался в качестве асоциальной личности, происходят процессы борьбы самооправдания нуждой и обвинения общественной моралью. Вне сомнений, эта борьба «самооправдания» и «обвинения» условна, в силу того, что она происходит в рамках сознания человека, в то время, когда бессознательное диктует человеку базовые инстинкты, позволившие выжить человечеству на протяжении миллионов лет своей эволюции.

Становясь членом общества, человек взял на себя бремя обязательств, сформированные идеей пользы нового члена общества обществу (ограничивать свою свободу в пользу свободы общества путём исполнения обычаев, правовых обычаев, а далее – правовых норм, нести юридическую и иную социальную ответственность за невыполнение этих

обязательств; жертвовать частью своего дохода в пользу общества; защищать права и интересы общества любой ценой, даже ценой своего здоровья и жизни – во внешних или же во внутренних конфликтах). Иными словами, становясь членом общества, человек отказался от естественных для него методов выживания и существования, отказался от своей животной сущности. Поэтому, развитие общества – его цивилизационная эволюция, благоприятствовала росту претензий общества к психофизиологическим составляющим человека, формировала эфемерный образец личности, на который все должны были равняться под страхом наказания (в том числе, и под страхом быть изолированным от общества). Принимая во внимание то, что *exiguum natura desiderat, opinio immensum* [15, р. 459], человек в обществе делает это «неизмеримое», произвольно отчитываясь за своё поведение перед каждым (даже случайно встречным) членом общества, пытаясь соответствовать «эфемерному образцу личности», испытывая стыд в том случае, если он отойдёт от соответствующих социальных норм и стандартов.

Безусловно, человек шёл на такие «жертвы» как постепенное окультуривание, предусматривающее ограничение его свободы, получая взамен т.н. «блага цивилизации», долгое время доступные только для существующих в обществе. Помимо этих «благ», человеку общественному предоставлялась куда более важная гарантия – забота и защита. В том случае, если общество не справляется со своими обязанностями – не заботится и не защищает законные интересы члена общества – человек ощущает несправедливое отношение к себе. Одностороннее выполнение обязательств представляется для человека эксплуатацией, пользованием ним, против чего начинает бунтовать его подсознание, а далее – и сознание. Инстинкт свободы требует от человека борьбы за свою свободу, которая в юридическом контексте представляется преступной. Поэтому, таковые люди, прежде всего, начинают свою преступную борьбу именно с административных правонарушений, а далее и преступных посягательств против общества, а не против индивида. Человек оправдывает посягательство на общественное имущество тем, что он ворует у общества, а не у человека, повреждает или же уничтожает общественное имущество, а не имущество конкретного человека. Так мы можем увидеть, что рядом возле частного дома, на который не будет посягательств «бунтарей», будет стоять разрисованная и разбитая автобусная остановка, которая не принадлежит никому, являясь *res communis*.

Тем не менее, до того момента, пока человек винит в своём недостойном существовании общество, а не отдельных лиц (следующей его жертвой-целью после общества, как правило, становится средний класс – люди, которые живут обеспеченней «бунтаря» и оказываются в положении достаточной досягаемости, по сравнению с высшим классом, для соответствующего преступного посягательства), он будет совершать противоправные действия в качестве «акта против», что будет позволять ему оправдывать его асоциальную трансформацию психологии (т.е. до момента, когда он осознает преступность своего характера, и начнёт совершать посягательства в качестве «акта для»). Совершая «акты против», «бунтарь», как правило, будет находиться в противоречивых метаниях: от антиципации и предвкушения всех красок удовлетворения до совершения и

самоудовлетворения, радости, восторга при совершении «акта против» до вины и разочарования после совершения противоправных действий.

Таким образом, условная борьба «самооправдания» и «обвинения», происходящая, как мы уже говорили в сознании «бунтаря», дополняется параллельной борьбой «удовлетворения» и «вины за удовлетворение». Так, если первая борьба оканчивается выбором окончательной интерпретации своих противоправных деяний в качестве оправданных или же противоправных, то вторая – выбором приоритета «удовольствия от противоправности» или же отказа от этого удовольствия из-за невыносимости вины. Примечательно, что, анализируя темпоральные рамки этих противостояний, мы можем обнаружить, что, хотя по субъективному восприятию преступником их отправные и конечные точки могут не совпадать (осознаванию удовольствия якобы предшествует самооправдание, которое, что важно, указывает на некую антиномию в сознании «бунтаря», проявляющуюся в нём в понимании обоснованности законов государства и в равной степени обоснованности идеи его «бунта» против этих законов), объективный контекст восприятия их отправных и конечных точек позволяет утверждать, что само их возникновение, течение и завершение в рамках одного и того же субъекта идентично во времени. Из чего следует определить, что самооправдание – защитный импульс и процесс «бунтаря». Самооправдание – обезболивающее, позволяющее сравнительно безболезненно для психики преступника подготовиться к осознанию допустимости удовольствия, получаемого ним от противоправных деяний, с одной стороны, а с другой – это импульс и процесс, заглушающий чувство вины, искажающее чувство удовлетворения преступника, отравляющее его «послевкусие правонарушения» (и это имеет значение для преступника до того момента, пока вина для него имеет значение либо до момента, пока вина не была подавлена до минимально значимого значения, что происходит, как правило, в момент времени, когда «бунтарь» сформировался в качестве асоциальной личности; это не имеет значения, если «бунтарь» получает достаточное удовольствие также и от самобичевания чувством вины). Иными словами, человек испытывает дискомфорт в связи с тем, что он совершает против «преступного общества» преступные деяния (т.е. дискомфорт связан с тем, что «бунтарь» начинает себя чувствовать ни более добросовестнее недобросовестного общества) и получает от этих противоправных деяний самоудовлетворение, часто схожее с сексуальной разрядкой.

Нужно отметить, что людьми руководит природная, социальная необходимость и удовольствие (и то, и другое часто оформляется в идеи, благодаря которым человек действует якобы в качестве «необычного животного», в особенности, что касается социальной необходимости и удовольствий, облакаемых в идеи). Причём в самом удовольствии люди часто видят необходимость, т.к. без удовольствия человек неспособен ощутить себя удовлетворённым – счастливым, хотя при этом человек сталкивается с двумя важными проблемами: не всякое удовольствие способно удовлетворить человека; удовольствие скоротечно. В частности, выдающийся философ Артур Шопенгауэр справедливо отмечает тот факт, что «мы чувствуем желание так же, как чувствуем голод и жажду; но как только это желание удовлетворено, с ним происходит то же, что и со съеденным куском, который

перестаёт существовать для нашего чувства в то самое мгновение, когда мы его проглотим» [21, с. 659].

В условиях нужды в базовых материальных благах, которые обеспечивают примитивные (неинтеллектуальные) и некоторые высокие нематериальные блага, человек оказывается отрезанным от удовлетворения желаний и удовольствий, которые он, тем не менее, непременно замещает доступными ему утехами и утешениями, вычлняя таковые из общего *ewiger Fluß der Dinge*. Так, среди доступных для таких людей удовольствий могут быть вычленены как правомерные (например, религиозные и околорелигиозные переживания; наслаждения от философских размышлений о вещах и явлениях и т.д., хотя прочие интеллектуальные удовольствия, как правило, таковыми людьми игнорируются, несмотря на достаточную открытость сегодняшней науки; коитус и онанизм) и неправомерные (т.е. удовольствия, которые запрещены законодательством, так и те, которые бедный человек может достичь незаконным путём) удовольствия. При этом, важно обратить внимание на то, что размежевание позвольтельных и непозвольтельных в обществе удовольствий является предельно условным, в то время, как само по себе удовольствие (для того, кто его получает; как *ding an sich*) – вполне объективный факт. Именно потому, до того момента, пока человек не станет асоциальным (до момента, пока не признает приоритет получения ним удовольствия над интересами общества и иных людей, т.е. до момента, когда он решит совершать преступления в качестве «акта для»), он нуждается в самооправдании, облагораживании своего стремления к утехам высокими социальными целями и задачами, облакаемыми в идеи. В контексте субъективности объективного отметим такую закономерность императивного влияния удовольствия на поведение человека: люди, обычно, стоят на сторону справедливости, поскольку чувствуют удовольствие от справедливости; по этой же причине люди становятся на сторону несправедливости. И часто мы можем наблюдать, что одни и те же люди в разное время становятся то поборниками справедливости, то борцами за неправду. Часто также одни и те же люди в одно и то же время, считая себя справедливыми, получая удовольствие от справедливости в отношении одного (тут они занимают «сторону правды»), наслаждаются удовольствиями от несправедливости в отношении другого (становятся на «сторону неправды»).

Таким образом, если собственно материальный дискомфорт (важно именно самоощущение и определённая оцущений своей свободы и бедности, поскольку не каждый бедный и нищий человек становится преступником) толкает человека на «бунт против общества», то, психологический дискомфорт, обусловленный выше обозначенной борьбой и страхом перед наказанием за преступные деяния, усиленные продолжающимся собственно материальным дискомфортом, провоцируют реконструкцию социальной личности человека в устоявшуюся асоциальную. И хотя недостойное существование человека из-за его негативного финансового положения, как мы уже отмечали, не всегда обуславливает асоциальную трансформацию личности, ощущаемый человеком дискомфорт (из-за материального неблагополучия) всегда обуславливает состояние, в котором такая трансформация становится возможной. При этом активизация

преступного импульса, как мы полагаем, является реакцией на значимое для этого человека событие или действие в отношении него или в отношении круга лиц, с которыми ассоциирует себя этот человек – *прозерпинаво потрясение*, которым, в первую очередь охватывается всё, что вызывают у человека «бунт», среди прочего: зависть, жадность, чувство мести, беспокойство, тревогу, страх, высокомерие, чувство вины, разочарования.

Отметим, что на связь дискомфорта, обусловленного материальным неблагополучием, с трансформацией его личности также обращают своё внимание эволюционные и социальные психологи, а также криминологи. В частности, В.В. Голина и Б.М. Головкин отмечают, что ощутимый недостаток средств вызывает чувство раздражённости, неуверенности, озлобленности, нестабильности, страха перед будущим, неверие в улучшении жизни, в воплощении планов на будущее, вызывая обострение негативных черт характера [22, с. 192; 23, с. 83]. В свою очередь д-р проф. В.М. Бесчастный отмечает, что, хотя социально-экономические факторы и не являются специфическими для преступности (они влияют на социодинамику в целом), тем не менее имеют выраженную связь с криминальной активностью населения. В частности, учёный подчёркивает, что в пользу данного обстоятельства свидетельствуют и следующие аргументы: а) увеличение с начала 2016 г. на 5 % потребительских цен в том числе на: продукты питания и безалкогольные напитки на 2,1 %; коммунальные услуги, воду, электроэнергию – на 25 %, газ и другие виды топлива – на 22,3 %; предметы домашнего обихода, бытовую технику, текущее содержание жилья – на 2,5 %; здравоохранение – на 5,2 %; б) снижение в 2016 г. реальных доходов населения на 15 %; в) рост безработицы до 9,9 % (2015 г. – 9,6 %); г) снижение уровня социальной защиты малообеспеченных слоёв населения (в январе-июле 2016 г. за субсидиями обратились 3,7 млн. домохозяйств, что на 44% больше, чем в 2015 г.) [24, с. 245–246].

Таким образом, подводя итог, изложенному, отметим, что если бедность предрасполагает бедного человека к преступлению, то нищета является благоприятным условием для преступной деятельности. Бедный человек оказывается в той мере предрасположенным к совершению преступления, чем ниже будут его моральные устои. В то же время, нищий человек (если эта нищета не является объективной), *a priori* представляется человеком с крайне низкой моральной составляющей, человеком, находящимся на социальном дне (нищий человек, ставший таковым в силу объективных обстоятельств, постепенно трансформируется в асоциальную личность). Таким образом, кризисные явления в украинском обществе, расширяющие и углубляющие социальное дно, обуславливают криминализацию этого общества, а, соответственно, подводят это общество к очередному конфликту и, вполне вероятно, к серьёзной социальной катастрофе, что недопустимо в силу необходимости сохранения Украины в качестве независимого, правового, социального, демократического и относительно унитарного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Антонюк В.П. Проблема бідності та соціальні ризики для розвитку України. Вісник економічної науки України. Київ. 2016. № 1 (30). С. 6–14.

2. Белополюский Н.Г., Волошин В.С., Кленин О.В. Разумному развитию человечества альтернативы нет. Вісник економічної науки України. Київ. 2016. № 2 (31). С. 14–17.
3. Дятлов А.В. Инновационные группы населения: в поисках социетальности. Общество: политика, экономика, право. Краснодар. 2007. № 2. С. 50–66.
4. Гурницкий А.В. Бедность с позиций криминологии. Общество и право. Краснодар. 2015. № 1 (51). С. 174–181.
5. Полякова С.В., Новосильская Т.В. Бідність населення за споживанням: нові виміри. Демографія та соціальна економіка. Київ. 2015. № 1 (23). С. 22–31.
6. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики. Понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права. Харьков: Тип. «Печ. Дѣло» кн. К.Н. Гагарина, 1905. 539 с.
7. Астахова Н.В. Образ просящего милостыню в московском метро. Вестник Российского университета дружбы народов, Сер.: Социология. Москва. 2011. № 3. С. 95–103.
8. Гладкий В.В. Долгосрочные перспективы преобразований в Украине в свете антикоррупционной политики. Юридичні науки: проблеми та перспективи. Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції (19-20 трав. 2017 р., м. Івано-Франківськ). У 2-х ч. Херсон: Вид. дім «Гельветика», 2017. Ч. 2. С. 50–53. Doi 10.5281/zenodo.575875.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва: Гос. изд. полит. лит., 1955. Т. 2. 651 с.
10. Антонян Ю.М. Причины корыстной преступности. Вестник Воронежского института МВД России. Воронеж. 2010. № 4. С. 7–13.
11. Богуш Г.И., Трикоз Е.Н. Преступность и девиантность в изменяющемся мире (XX Международный Балтийский криминологический семинар, г. Санкт-Петербург, 29 июня - 1 июля 2007 г.). Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. Москва. 2008. № 1. С. 109–126.
12. Гегель Г.В.Ф. Философия права. / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. Москва: Изд. «Мысль», 1990. 524 с.
13. Helvétius C.A. De l'esprit. Paris: Chez Durand Libraire rue de Foin, 1758. 643 p.
14. Aristotle. The Nicomachean Ethics. / Newly transl. into Eng. by R. Williams. London: Longmans, Green, and Co., 1869. 393 p.
15. Gassendum P. Syntagma Philosophiae Epicuri, cum Restationibus Dogmatum: Quae contra Fidem Christianam ab eo asserta sunt. Amstelodami: Apud Janssonio-Waesbergios, 1684. 495 p.
16. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. / АН СССР, Ин-т философии; ред. и автор. вступ. ст.: А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. Москва: Изд. «Мысль», 1983. Т. 4. С. 375–644.
17. Антонян Ю.М. Особый криминологический тип личности: расчеловеченные люди. Человек: преступление и наказание. Рязань. 2017. Т. 25. № 1. С. 7–11.
18. Посошковъ И. Книга о скудости и богатствѣ и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. / Под ред. М.К. Любавскаго, А.А. Кизеветтера, М.М. Богословскаго, Ю.В. Готье [и др.]; Съ предисл. А.А. Кизеветтера. Москва: Изд. Н.Н. Ключковъ, 1911. 136 с.

19. Попаснянський районний суд Луганської області, Постанова від 05.04.2017 р. у справі № 423/369/17 (порушення порядку провадження господарської діяльності). Єдиний державний реєстр судових рішень. 2017. № 65910303.
20. Гладкий В.В. Проблемы универсального понимания термина «юридическая ответственность»: исторический контекст. Актуальные научные исследования в современном мире. Переяслав-Хмельницкий. 2017. Вып. 4 (24). Ч. 9. С. 37–50. Doi 10.5281/zenodo.556611.
21. Schopenhauer A. Von der Nichtigkeit und dem Leiden des Lebens. Die Welt als Wille und Vorstellung. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1873. В. 2. S. 657–675.
22. Головкін Б.М. Соціально-психологічний портрет особи сімейно-побутового злочинця. Вісник Запорізького юридичного інституту. Запоріжжя. 2001. № 1. С. 189–198.
23. Голіна В.В. Запобігання злочинності (теорія і практика): навч. посіб. Харків: Нац. юрид. акад. України, 2011. 120 с.
24. Бесчастний В.М. Кримінологічний аналіз сучасних тенденцій злочинності в Україні. Підприємництво, господарство і право. Київ. 2017. № 2. С. 245–250.